

Д. Н. ШМЕЛЕВ

**ЭКСПРЕССИВНО-ИРОНИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ
ОТРИЦАНИЯ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ
РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

I

Особенности разговорной речи описаны и изучены еще сравнительно мало. Между тем выявление этих особенностей важно и для стилистики, обращающейся обычно к понятию функциональных разновидностей языка, и для синтаксиса. На решении вопроса о так называемых «речевых стилях», их количестве, соотношении и т. д. отрицательно сказывается отсутствие систематического описания тех или иных явлений, присущих разным типам речи. В свою очередь синтаксис, основанный на реальных фактах языка, не может обойтись без изучения тех ситуаций, в которых значения различных грамматических форм подвергаются в какой-либо мере устойчивым, «регулярным» сдвигам. Так, при определенных (требующих определения) условиях значение порядка слов, наклонения, видовых различий и т. д. может становиться одним из средств выражения тех смысловых отношений, которые при более обычных условиях бывают выражены совсем другими, вполне логически однозначными средствами.

Одной из наиболее опутимых особенностей разговорной речи является разнообразное использование интонационных средств, нередко «смещающих» прямую семантику слов и словосочетаний. В разговорной речи, говоря словами В. В. Виноградова, предметные значения слов могут стать средством выражения эмоционального смысла: прямые лексические значения слов перестают формировать и определять внутреннее содержание речи. «Знание и понимание этих свойств разговорной речи чрезвычайно важно для исследования структуры диалога, для изучения стиля драматической речи и стилей речи сценической»¹.

В живой разговорной речи семантика слова может подвергаться разнообразному переосмыслению. Интонация способна придать утвердительному предложению отрицательное значение², словам положительной оценки характер осуждения и т. д.

Поскольку характерные черты разговорной речи достаточно полно воспроизводятся в художественной литературе, они тем самым вовлекаются в сферу речи письменной. Интонация же, способная сама по себе бесконечно варьироваться в живом диалоге и осложняться самыми разнообразными субъективными «наслоениями», обычно при письменной передаче высказывания отчетливо закрепляется в ее основном направлении контекстом — и таким образом выступает как объективно распознаваемый элемент структуры предложения.

¹ В. В. Виноградов, Итоги обсуждения вопросов стилистики, ВЯ, 1955, № 1, стр. 79, 80.

² Ср. О. Jespersen, The philosophy of grammar, London — New York, 1929, стр. 129—130, где даны примеры на нескольких европейских языках.

Особо важное значение имеет разграничение свободных синтаксических построений и конструкций (часто омонимических по отношению к первым), которые получают значение фразеологических схем. Такие конструкции неразрывно связаны с определенными интонациями (а в письменной передаче — с контекстом); в них становится ограниченной или невозможной синонимическая замена опорных слов. Важно уяснить, на какие собственно грамматические средства может опираться та или иная интонация и какое конкретное значение при этом получает, утрачивая свою обычную грамматическую соотносительность, та или иная форма. Так, например, ответ на вопрос *Помог он тебе?* — *Да, помог!* может быть произнесен так, что будет содержать именно отрицание того, что «он помог». Однако здесь все решается только интонацией (в письменной передаче контекстом), иных показателей нет (т. е. сама по себе фраза *Да, помог!* вне контекста будет воспринята только как утверждение). Возьмем вне всякого контекста, без всяких указаний на интонацию две следующие фразы: *Я стану читать* и *Стану я читать*. Первая из них обычно будет воспринята как простое утверждение. Но вторая уже таит в себе возможность двойного осмысления: за внешним утверждением может скрываться насмешливое отрицание, т. е. «стану я читать, как бы не так!». Конечно, и первая фраза может быть так произнесена, что будет ироническим отрицанием, и, наоборот, вторая может выражать утверждение, но мы чувствуем, что для этого нужно какое-то большее *напряже-ние* интонации, какой-то «особый» контекст. И в большинстве случаев «нейтральнее», привычнее именно первое осмысление¹.

Ср. случай типа: «[Лариса] Нет, уехать надо, вырваться отсюда. *Я стану приставать* к Юлию Капитонычу» (Островский, Бесприданница) и т. п. и такие конструкции: «Ермолай никогда ее [собаку] не кормил. *„Стану я пса кормить“*, — рассуждал он, — притом пс — животное умное, сам найдет себе пропитание!» (Тургенев, Ермолай и мельничиха); «*Да, стану я их баловать*, этих уездных аристократов!» (Тургенев, Отцы и дети); «Ну, для чего ты птишку убил? — начал он, глядя мне прямо в лицо. — Как для чего!.. Коростель — это дичь: его есть можно. — Не для того ты убил его, барин: *станешь ты его есть!* Ты его для потехи своей убил!» (Тургенев, Касьян с Красивой Мечи); «...Разве большие учатся чему-нибудь? Слышите, что рассказывает? *Станет надворный советник учиться!*» (Гончаров, Обломов); «...*Стану я с тобой, с лешим, связываться* после того, как ты на своего благодетеля жалобу подал! Да пу тебя к черту!» (Чехов, Из огня да в полымя); «[Пепел] *Стану я из-за такой дряни жизнь себе портить...*» (Горький, На дне).

Как видно из примеров, подобное значение возможно не только при форме 1-го лица, но также 2-го («станешь ты его есть») и 3-го лица («станет надворный советник учиться!»).

Вполне возможны подобные же случаи с *буду я* и т. д. Ср.: «[Жадов] Вы меня нынче совсем измучили. Замолчи, ради бога. [Полина] Как же, дождайся, *буду я молчать!*» (Островский, Доходное место); «*Буду я там из-за каких-то стульев ездить!*» (Макаренко, Педагогическая поэма) и т. п. Однако более «специализируется» для этого форма *стану*. В этом отношении показательны следующие случаи употребления *стану я* в том же значении в «неполном» предложении (без инфинитива): «Но когда один из нас попросил ее починить ему его единственную рубашу, она,

¹ Заметим, что при противопоставлении (с союзом *а*) фраза типа *...а я стану* (делать что-либо) легко приобретает иронически-отрицательный смысл; ср.: «Есть из-за чего сердиться! Дело яйца выеденного не стоит, а я стану из-за него сердиться!» (Гоголь, Мертвые души); «Им нужно только оскорбить меня и измучить ребенка, а я стану покоряться им! Ни за что!» (Л. Толстой, Анна Каренина).

презрительно фыркнув, сказала: „Вот еще. Стану я, как же!“ (Горький, Двадцать шесть я одна).

В условном предложении может выступать с тем же значением выражение *стал бы*, например: «...*Стал бы я связываться с таким, если б знал!*» (Гончаров, Обломов); «Ду-урной! — перебила женщина. — *Стала бы я из города выезжать по такой погоде! Да еще на ночь глядя!..*» (Сергеев-Ценский, Устный счет).

Следовательно, конструкция *стану я* (*станешь ты, станет он* и т. д., реже *буду я* и т. д.) *делать что-либо* в ее свободном, «прямом» значении становится в какой-то мере (в той, насколько мы ощущаем в о з м о ж н о с т ь ее иронически-отрицательного звучания) омонимом ее интонационно связанного варианта. Таким образом, порядок слов как бы «подсказывает» нам определенную интонацию. Он становится одним из элементов, поддерживающих возможность различного восприятия этих предложений.

Возьмем также вне контекста две такие фразы: *Очень нужно посоветоваться с ним* и *Очень нужно советоваться с ним*. Опять мы видим, что утвердительный характер первой из фраз кажется нам вполне естественным и, если нет специальных указаний противоположного характера, не вызывает сомнений. В то же время вторая фраза легко может быть понята как ироническое отрицание того, что формально утверждается в ней. Таким образом, в определенной конструкции (*очень нужно* + инфинитив) определенная экспрессия высказывания может сочетаться со значением видовых различий. Глагол совершенного вида обычен здесь при «прямом», утвердительном значении высказывания, а глагол несовершенного вида чаще выступает при экспрессивно-ироническом выражении отрицания, например: «*И я не поеду. Очень нужно тащиться за пятьдесят верст киселя есть*» (Тургенев, Отцы и дети); «[Варвара] *Вздор все. Очень нужно слушать, что она городит*» (Островский, Гроза); «[Незнамов] *Ну, вот еще, очень нужно мне догадываться. Говорите прямо, начистоту!*» (Островский, Без вины виноватые).

Таким образом, грамматическое значение категории вида может обволакиваться и «сдвигаться» неожиданными экспрессивными оттенками. Форма несовершенного вида как бы «поддерживает» в таком случае ироническое отрицание, создаваемое интонацией и противоречащее логическому содержанию высказывания.

Аналогичным примером могут служить конструкции *есть* + косвенный падеж местоимений *кто* или *что* + инфинитив, где также затемняется собственно грамматическое значение вида. Ср.: «*Да чего ж ты рассердился так горячо?.. — Есть из-за чего сердиться!* Дело яйца выеденного не стоит, а я стану из-за него сердиться!» (Гоголь, Мертвые души); «[Юлинька] *Есть об чем жалеть!* и без них тоска смертная!» (Островский, Доходное место); «...Я часто о ней думаю. — *Есть о ком думать!*» (Толстой, Анна Каренина); «*Есть за что любить!* А кроме схищства, ты от нее ничего не видел» (Чехов, Дипломат). Характерно, что при отрицании в ответной реплике глагол совершенного вида заменяется глаголом несовершенного вида: *Да чего же ты рассердился? — Есть из-за чего сердиться* (см. первый пример). Ответ *Есть из-за чего рассердился!* естественнее связывался бы с утверждением. И действительно, при утверждении обычнее инфинитив совершенного вида или иной порядок слов: «*Надо только упорно идти к своей цели, и я добьюсь своего, — думал Левин, — а работать и трудиться есть из-за чего*» (Толстой, Анна Каренина); «[Кулигин] *Вот еще про семейную жизнь хотел я вам, сударь, рассказать; да когда-нибудь в другое время. А тоже есть что послушать*» (Островский, Гроза); «...Приезжайте к нам, а всего лучше приезжайте ко мне в деревню, в старый мой дедовский замок. *Есть что посмотреть*» (Соллогуб, Тарапугас); «...*О нем есть что рассказать*. Удивись ты, если узнаешь, как мы живем» (Новиков-Прибой, Капитан 1-го ранга); «*Есть*

чему поучиться у него писателям и в этом смысле» («Лит. газ.» 29 IX 55) и т. п.

Те же отношения и то же экспрессивное значение видовых различий и порядка слов можно отметить в конструкциях «стоит (стоило) + инфинитив», «стоит того, чтоб + инфинитив»: «...Пусть их кричат во все горло, наплевать на них! Сами же будут завидовать. Да и стоит того, чтоб о них заботиться!» (Достоевский, Дядюшкин сон); «...И на что польстилась! Тьфу, на писаря! Стоило из-за него божью погоду мутить!» (Чехов, Ветер); «Ничего, Шурочка, деньги пустяки! Сегодня нет, завтра будут. Наживем!.. Эка, стоит о деньгах печалиться!» (Вересаев, Два конца); «Вот что, Колосов, поезжайте лучше домой, успокойтесь. Стоит обижаться на этого пьяного зверя!» (там же); ср. : «Есть в ней [повести] и кое-какие литературные достоинства. Прочсть ее стоит...» (Чехов, Драма на охоте).

3

Употребление слова в интонационно обусловленной конструкции в отдельных случаях способствует возникновению у слова нового значения, реализуемого только в пределах данной «фразеологической схемы». Так, слово *охота* (предикативный вариант) имеет в современном языке синтаксически закрепленное значение «хочется, хотелось бы»: *мне охота гулять, погулять*. Между тем на основе этого значения формируется и другое, уже утрачивающее предикативную характеристику: «Да отпусти ты его, Сидорыч. Охота тебе его держать. Дай ему лошадей, да провались он к черту» (Пушкин, Дубровский); «Охота тебе его держать» — не значит «хочется тебе его держать», а также и не является экспрессивным отрицанием этого, а соответствует «зачем, к чему, с какой стати тебе его держать». Здесь в отличие от предыдущих примеров — не отрицание того, что формально утверждается, а экспрессивное отрицание необходимости или желательности и т. п. того действия, которое выражено инфинитивом. При этом слово *охота* утрачивает определенность своих семантических очертаний, а возможности его синтаксического употребления еще более сужаются: выражение данного значения связывается с закреплением этого слова в начале конструкции и в сочетании с инфинитивом несовершенного вида¹. Неразличение этих значений в словаре ведет к тому, что после определения значения слова пример, который должен был бы иллюстрировать это значение, в свою очередь нуждается в разъяснении. Так, в словаре Ожегова указывается «*Охота*²...2. в знач. сказ., кому с неопр. Есть желание, хочется (разг.). *О. тебе спорить с ним!* (зачем ты споришь с ним)». Ясно, что толкование этого примера, заключенное в скобках, противоречит данному перед этим определению значения.

Ср. еще: «— Гм! А впрочем, *охота вам*, маменька, о таком вздоре рассказывать, — раздражительно и как бы нечаянно проговорил вдруг Раскольников» (Достоевский, Преступление и наказание); «Раскольников засмеялся. — *Охота же так беспокоиться!*» (там же); «[Кулигин] Что у вас, сударь, за дела с ним? Не пойдем мы никак. *Охота вам жить у него да брань переносить*» (Островский, Гроза); «Еще раз предлагаю домой. *Охота мучиться ради Гамлета*» (Федин, Первые радости)³.

¹ Вообще отрицание чаще сочетается с формами глаголов несовершенного вида. Ср.: «Я хоть теперь хочу искупить (соверш. вид) свой грех. — Нечего искупать...» (несоверш. вид) (Л. Толстой, Воскресение); «Успокойтесь (соверш. вид), — сказал он. Нечего мне успокаиваться» (несоверш. вид) (там же); «Простите (соверш. вид) меня, Дмитрий Иванович, я много нехорошего говорила третьего дня. — Не мне прощать (несоверш. вид) вас...» (там же).

² Можно заметить, что даже лицо «косвенного субъекта» (*охота кому*) приобретает здесь определенное значение. *Охота тебе ходить туда!* — значит «зачем, с какой стати»; *охота ему ходить туда!* наряду с таким значением может выражать несогласие с мыслью, что «он ходит (или пойдет) туда» (тогда здесь могут быть слова *как же, как бы не так*), т. е. предложение имеет значение «противоположности» тому, что якобы

Ср. то же самое с отнесением к прошедшему времени, т. е. в сочетании с *охота*... было: «То ли дело облегчить сердце полной исповедью! Давно бы так, мой ангел! *Охота же тебе было не сознаваться* в том, что я давно знала...» (Пушкин, Роман в письмах); «[Досужев] Эх! *охота вам было жениться!*» (Островский, Доходное место); «— *Охота вам было связываться?* — примирительно заговорил Веткин...» (Куприн, Поединок) и др. Ср. с согласованием: «— *Охота была!* — отозвался Потап Максимыч. — Наплевала бы да и полно... С дурой чего связаться?» (Мельников-Печерский, В лесах).

Примерно такие же сомнения вызывает и характеристика в словарях слова *даться*, когда оно употребляется только в форме прошедшего времени, причем также обычно лишь в предложениях, оформленных как вопрос, или при выражении несогласия, возражения, осуждения и т. п. (обыкновенно в начале конструкции). Конечно, такие определения, как «Стать предметом постоянного внимания, интереса, пристрастия» («Толковый словарь» под редакцией Д. Н. Ушакова), «Стать предметом крайнего интереса, внимания» (словарь С. И. Ожегова), не определяют сущности значения слова в приводимых там же примерах: *Далось тебе это кино: только туда и ходишь!* *Далась тебе эта книга!* поскольку оставляются в стороне его экспрессивная направленность, предопределяющая его интонационную «связанность», а также место в предложении и общий «коптур» последнего (дательный падеж личного местоимения или имени; чаще всего наличие указательных местоимений *этот, эта...* или притяжательных *ваш, твой...* перед существительным и т. д.)¹; ср.: «— *Дался вам этот Екатерингоф, право!* — с досадой отозвался Обломов» (Гончаров, Обломов); «*Дался вам этот сват!* — досадливо перебил Михаил. — От него пользы было, как от козла молока, а вреда много» (Шолохов, Тихий Дон); «Ну, и упрямый же ты, лейтенант. *Дались тебе эти минные поля!*» (Некрасов, В окопах Сталинграда). В своих определениях составители словарей, видимо, исходили из того значения слова, которое проявляется в предложениях, оформленных как вопрос («*Что это, Илья Ильич, дались вам две гривны. Я уж вам докладывал, что никаких тут двух гривен не лежало...*» (Гончаров, Обломов)).

С определенным порядком слов связывается значение таких фразологизирующихся сочетаний, как: *Много ты знаешь! Много он знает! Много ты понимаешь!* и т. д. Конечно, и при ином расположении слов эти предложения (как и почти всякое предложение) могут быть произнесены с самыми разнообразными интонациями, но именно данный порядок слов, закрепляя их ироническое значение, как это ни покажется с первого взгляда парадоксальным, в значительной мере освобождает их от иронической (в узком смысле этого слова) интонации. *Много ты знаешь!* становится экспрессивной заменой *Ничего ты не знаешь!* или *Плохо ты знаешь!* Чаще это не насмешка, а просто фамильярное «отрицание» или грубое возражение: «— *Много ты знаешь!* — желая обидеть ее, крикнул я... — *Ты сам ничего не знаешь,* — заговорила она торопливо...» (Горький,

утверждается. Насмешливая интонация здесь более оцужаема, она становится подвижнее, порядок слов также более свободный. Ср.:

[Лиза] И Чацкий, как бельмо в глазу;
Випь, показался он ей где-то, здесь внизу,
(осмагивается).
Да! как же? по сеням бродить ему охота!
Он чай давно уж за ворота,
Любовь на завтра поберег,
Домой, и спать залег.

(Грибоедов, Горе от ума).

¹ Кстати, характеристика грамматического употребления слова в «Словаре» С. И. Ожегова: «1 и 2 л. не употр.» не представляется точной; ср. в «Словаре» под ред. Д. Н. Ушакова: «*Что я им дался!* Нужно было отметить, что употребляется в этом значении только форма прошедшего времени.

В людях); «— *Много ты понимаешь!* — оборвал ее охотник» (Пришвин, Кладовая солница). Что эти сочетания в известной мере фразеологизируются (именно в указанном значении), видно еще из того, что после *много ты знаешь* может появляться прямое дополнение. В то время как сказать, например, *Ты много знаешь своего отца*, видимо, нельзя, *Много ты знаешь своего отца!* для выражения отрицания становится возможным: «— *Много ты знаешь своего тятеньку!*.. — тяжело вздохнув, молвила ей Аक्सинья Захаровна. — Тридцать годов с ним живу, получше тебя знаю поров его...» (Мельников-Печерский, В лесах).

Такое же экспрессивное значение порядка слов можно видеть в предложениях со словом *нужно* (*нужен*, -а, -ы): «Старая хрычовка так и запищала. „Вот вздумали чем удивить: *нужны* нам *очень* ваши деньги“..» (Тургенев, Петр Петрович Каратаев); «Вдруг раздался голос Глаши: — Ваше благородие, я неграмотна. — *Нужна тебе грамота!* — одернул ее ротмистр. — Ты скажи, как я велел, и все» (Федин, Первые радости). Значение отрицания усиливается словом *очень*: «—... Дает рубль и месяц попрекает: „Я тебя кормлю! Я тебя содержу!“ *Очень мне нужно!* Да плевать я хотела на твои деньги» (Чехов, На гулянье в Сокольниках); «— Что ж они, и мазут весь увезли? — недоверчиво спросил кривой Чумаков. — А ты думал, дед, тебе оставили? *Очень ты им нужен*, как и весь трудящийся народ» (Шолохов, Тихий Дон); «[Савельев] Что, заждалась меня? [Греч] *Очень ты мне нужен*. Я и не к тебе вовсе в гости пришла» (Симонов, Так и будет). И уже на основе именно данного значения сочетаний типа *очень мне нужно* становятся возможными такие конструкции: *Очень мне нужно, что...*, означающие примерно «какое мне дело, что...»: «[Несчастливцев] *Очень мне нужно, что ты горд*. Не тебе чета, сам Мартынов играл лакеев, а ты стыдишься» (Островский, Лес).

Проиллюстрировать, как на основе частого экспрессивно-иронического употребления отдельных слов в определенных синтаксических условиях формируется их особое значение, может также прилагательное *хороший* (в краткой форме). Находясь в препозиции к имени, оно нередко употребляется для отрицательной оценки. При этом, однако, оно получает не только «обратное значение» («плохой, нехороший»), но и служит вообще для отрицания значения последующего существительного (или субстантивированного прилагательного). Если это не столь явно в таких примерах, как: «— *Хорош друг!* — говорил Тарантьев. — Я слышал, он и невесту у тебя поддел; благодетель, нечего сказать!» (Гончаров, Обломов); «— ...Из поповен и прямо в чиновницы. *Хороша чиновница!* Дай ты ей наше дело, так она тебе и впишет входящую в исходящие» (Чехов, Женское счастье) и т. п., то, например, в ответе на *Добрый вечер!* — *Хорош вечер!* Уже полночь и т. п. слово *хорош*, как это очевидно, не предполагает значения «плохой», а значит примерно «какой же (вечер)» и т. п. Ср. еще: «— Свидетельству поверю, а вам нет... *Хорош сумасшедший!*» (Чехов, Жених и пащенку); «— Ты теперь высоко летаешь, все больше по городу бьешь. Не мы, бедолаги. — *Хорош бедолага*, — затрясся животом Мартын Лопарев, — что ни месяц, то новая постройка» (Тендряков, Падение Ивана Чупрова).

То же можно сказать о формах прошедшего времени глагола *найти*, используемых в экспрессивно-оценочных предложениях. В определенных конструкциях реализуется особое значение этих форм, уже «оторванное» от значения данного глагола вообще, т. е. данного глагола как системы всех его форм. Здесь возможны двоякого рода конструкции. Во-первых, это сочетание: форма прошедшего времени глагола *найти* + косвенный падеж местоимения *кто*, *что* + инфинитив (я несовершенного, и совершенного вида), т. е. такие случаи: «— *Нашли за что ссориться!* за песенку!.. да как же это случилось?» (Пушкин, Капитанская дочка); «— *Нашли кого приглашать!* Пьяница, буян, оборванец!» (Чехов, В номерах); «— Ну, *нашли о чем говорить!* Сколько можете, столько и дайте»

(Чехов, Из воспоминаний идеалиста); «— Ах...это! Нашел кому жаловаться!..» (Чехов, Ниночка); «[Маша] А разве ты умный? Мое письмо вслух прочел? Похвастаться. Нашел чем хвалиться!» (Афиногенов, Машенька); «— Нашел за кого заступиться! — хрипло бросил Платон» (Седых, Даурия); «Вот невидаль! Нашел же чем гордиться! — Кукушка из лесу в ответ» (Михалков, Кукушка и скворец) и под. Любопытно опущение местоимения: «[Дуся] Кто про что, она про Унуса. Нашла хвастаться. Цифра какая-то в бумажейных брюках. На этого лунатика только в погребке, ночью, с завязанными глазами и любоваться» (Леонов, Половчанские сады).

Вместо местоимений могут употребляться слова типа *место*, *время* (иногда с *где*, *когда*) с последующим инфинитивом или без него, когда действие определяется предыдущим контекстом: «— Чего бормочешь! — прикрикнули на него некоторые из артельщиков. Нашел время галдеть!» (Глеб Успенский, Квитанция); «[Варвара] (про себя) Нашла место наставления читать» (Островский, Гроза); «— Эх, Шлема, ты вот умный парень, а дурака сваял. Нашел время, когда языком молот» (П. Островский, Как закалялась сталь); «[Кудряш] Это? Это — Дикой племянника ругает. [Кулигин] Нашел место!» (Островский, Гроза); «— Куда вы пойдете в дождь...и так поздно. Нашли время!» (Н. Островский, Рожденные бурей).

Во второго рода конструкциях с формами прошедшего времени глагола *найти* (относимыми также ко всем трем лицам) отрицается оценка кого-то или чего-то, данная собеседником, причем эта оценка приводится в ответной реплике и выражается прямым дополнением при указанных формах глагола. Это может быть и отрицанием «мнимой оценки», т. е. возражением, предполагающим, что согласие с мыслью или требованием и т. д. собеседника оправдывало бы подобную оценку, например: *Сделай мне это. — Нашел дурака!*, т. е. «я не дурак, чтобы это делать». Это особое значение форм *нашел* и т. д. можно видеть в следующих примерах: «— Вот нашел благодетеля! — прервал его Тарантьев. — Немец проклятый, шельма продувная...» (Гончаров, Обломов); «— Что ж сидеть? Ешь! Или нешто дать тебе водочки выпить? — Выдумал! — проговорила Агафья. — Пьяницу какую нашел...» (Чехов, Агафья); «— ...Но ты не из тех дам, у которых все знакомство с деревней через молочниц. Сама из колхоза вышла. — Ого! — усмехнулась Марья Сергеевна. — Нашел даму!» (Овечкин, Районные будни); «Возбужденно запрыгали слова: — Нашел дураков!» (Горький, Мать).

4

Различным эмоциональным смещениям может подвергаться грамматическое значение видовых различий при экспрессивно-ироническом употреблении форм повелительного наклонения. Так, формы повелительного наклонения совершенного вида могут — при соответствующей интонации и определенном лексическом окружении — выражать угрозу или решительное предостережение, причем говорящий предостерегает именно против того действия, к которому он внешне как бы побуждает собеседника. Например, в предложении *То-то! Поговори еще!* («— Что ж я сказал, Василь Карпыч? Нешто не иду! Помирать, так помирать... все одно... — То-то! Поговори еще!» (Гаршин, Из воспоминаний рядового Иванова)) говорящий по существу не предлагает собеседнику совершить называемое действие, а, скорее, показывает свою готовность помешать этому действию или же решимость наказать собеседника, если тот осмелится его совершить. [Ср.: «Василий погрозил нагайкой: „Пошуми-ка...“» (А. Толстой, Петр Первый)]. Часто «вторым членом» подобного обращения является прямое предупреждение о тех последствиях, которые вызовет совершение данного действия: «— Застрелю! Коснись этой женщины!»

(А. Толстой, *Хождение по мукам*); «— *Ударь еще, попробуй... Я тебя так по башке съезжу!*» (Седых, Даурия).

Можно заметить, что императивы в подобных предложениях обычно соединяются со словами *еще* (особенно императивы от глаголов с приставкой *по-*, имеющих «детерминативное» значение), *у меня, мне, только, попробуй(те)* (последнее выступает самостоятельно, а также в сочетании с императивом или инфинитивом). Ср.: «— Ну, *еще слово молви*, старая хрычовка!» (Фонвизин, Недоросль); «*Ты поговори еще там*» (Маяковский, Вл. Маяковский); «Фэльдшер вспылл и крикнул: — *Поговори мне еще! Дубина...*» (Чехов, Скрипка Ротшильда); «*Поругайся мне еще тут...*» — бормочет фельдшер, кладя в шкаф щипцы. — *Невежа...*» (Чехов, Хирургия); «*Потараторьте-ка еще у меня*, сороки, сниму плоть с колка, научу уму-разуму» (Мельников-Печерский, В лесах); «Потом сердито крикнул на тянувшегося к траве Гнедого: — Ну, ты, *пошали у меня!*» (Седых, Даурия); «*Только подступись*, разможжу себе голову о камни! — вскричал он» (Помяловский, Очерки бурсы); «Поля подошла к нему шагами, исполненными предгрозовой твердости: „Ну-ка, *только скажи* мне что...“ — и паль на себе запахнула для боя» (Малышкин, Люди из захолустья; Тают снега); «Я те повезу, еретица! *Попробуй, осрами-ка меня...*» (Горький, Детство); «Плевал я, что четверо вас! *Сунься попробуй!*...» (Седых, Даурия); «*Попробуй*, — угрожающе протянул Фомина» (Шолохов, Тихий Дон).

Как видно из приведенных примеров, предложения типа *пронь только!* могут выступать с различной степенью «самостоятельности». Иногда они воспринимаются в настолько тесной связи с предложениями, указывающими на «последствия» совершения данного действия, что являются своеобразным эмоциональным «эквивалентом» условного придаточного. Ср.: «*Только свяжись* — измотаю, как щенка» (Шолохов, Тихий Дон); Он поднес ему под нос свой увесистый кулак и сказал: — Этого ты не нюхал, сват? *Покомандуй еще, так я тебе покажу, где бог, а где порог...*» (Седых, Даурия).

Однако нельзя говорить о том, что формы повелительного наклонения получают здесь значение «сослагательного» и выступают в условных придаточных предложениях (подобно тому как в таких случаях: «*Пусти-ка савраса без узды* — он в один момент того накуралесит, что годами потом не поправишь!» (Щедрин, Либерал). Пришлось бы разграничивать случаи, где легко найти предложение, которое можно было бы признать «главным», и случаи, где такого предложения нет (т. е. отсутствует указание на те последствия, которые вызовет совершение обозначенного императивом действия). В ряде случаев такое разграничение было бы искусственным. Считать же, что предложение вроде *Только подойди!* само по себе лишь часть сложного предложения (с экспрессивно опущенным «главным» предложением), так же как *Если подойдешь!*.. (без продолжения), или же что в сочетании *Только подойди — плохо будет!* — оно имеет иное синтаксическое значение, — вряд ли возможно. Скорее здесь особая присоединительная конструкция. Поэтому следует, видимо, рассматривать все эти предложения как особый тип экспрессивных императивных предложений, легко приобретающих, в зависимости от контекста, оттенки «условия», поскольку с ними *всегда* сочетается или прямо высказанное, или же подразумеваемое предупреждение о «последствиях». Кроме того, все эти предложения характеризуются совершенно особой интонацией¹.

¹ Это резко отличает их от таких, например, предложений, где также выступают формы повелительного наклонения, но уже вне императивной направленности: «*А попробуй прекословить*, наведет к тебе в дом целый полк на постой» (Гоголь, Ревизор); «[Катерина] Что мне только захочется, то и сделаю. [Варвара] *Сделай, попробуй*, так тебя здесь заедят» (Островский, Гроза).

Интересно, что в предложениях вроде *Подойди только!* и т. п. наблюдаются почти исключительно формы повелительного наклонения совершенного вида. Формы несовершенного вида с подобной направленностью можно встретить только в очень редких случаях: «А может еще... — Ну-ну! *Разговаривай!*» — закричал лекарь (Горький, Двадцать шесть и одна); «*Балу!*» — басом гаркнул Петр. — Мишка! Шкуру спущу!» (А. Толстой, Петр Первый); «Господи! — вздохнул Гаврила. — Ну-ну!... *куксись у меня!*» — оборвал его Челкаш (Горький, Челкаш). Лексические возможности такого рода форм ограничены.

Формами повелительного наклонения несовершенного вида часто выражается то, что А. М. Пешковский назвал «шутливым или ироническим побуждением». В качестве иллюстрации он приводит три примера из произведений А. Н. Островского: «*Шутите, шутите!* А вы думаете, мне без борьбы досталось это уважение?»; «*К р у г л о в а. Много очень воли ты забрала. А г н и я. Заприте. К р у г л о в а. Болтай еще!*»; «*Кричи еще шибче, чтоб соседи услышали, коли стыда в тебе нет!*»¹. Нетрудно заметить, что в данных случаях преобладают оценочные моменты. Побудительной интонации здесь нет. Высказывание направлено не столько на недопущение или прекращение действия (*не кричи! не болтай! не смейтесь!*), сколько на его оценку (отрицательную) и воспринимается как возражение или осуждение.

Оттенки «иронического побуждения» могут быть весьма разнообразны. Так, под формой иронического поощрения скрывается оценка совершаемого собеседником действия. Здесь ощущается возражение, осуждение этого действия как бесполезного в том или ином плане (в зависимости от лексического содержания глагола). Например, *Рассказывай тут! Толкуй тут!* могут выражать недоверие или несогласие; *Спорь больше! Ври больше! Ври, ври!* — «врешь, нечего врать» и т. п. Ср. *Жди! Как бы не так!* и т. д. Ср.: «С тех ворот ближе выезжать. — *Толкуй тут,* — кричал Лукашка: — в средние ворота ехать надо...» (Л. Толстой, Казаки); «— Ты обедал? — У меня... того... обедать то нечего. Да и не хочется. — Ну да, *рассказывай!* Глупости! Помоги ковер внести, потом пойдем на кухню, покушаем» (Н. Островский, Рожденные бурей); «— Ты не тяни, а дергай... Сразу! — *Учи ученого!* Экий, господи, народ необразованный!» (Чехов, Хирургия); «*Остри!* Нашел чем пугать! Смешно, сй-богу!» (Маяковский, Мистерия-буфф); «— *Ври еще!* — спокойно ответил мне Харлов: — коли я говорю, стало оно так!» (Тургенев, Степной король Лир); «— А ты *ври больше,* — оборвал его Василий Карпыч. — Зачем мне врать, ежели правда?» (Гаршин, Из воспоминаний рядового Иванова).

Несколько иные оттенки в таких обращениях, как *Смейтесь, смейтесь! Шутите, шутите!* [ср. *Смейтесь, как хотите,* а Бонапарте все-таки великий полководец (Л. Толстой, Война и мир)]. Они являются своеобразным ироническим допущением; здесь явно ощущается противопоставление. Говорящий как бы указывает, что данное действие собеседника не может повлиять на его собственное убеждение или вообще на ход событий («*Запрещайте, пожалуй!* всем ртов не замажете!» (Щедрин, Господа Головлевы)). Для подобных обращений характерно повторение того же императива: «— *Смейтесь, смейтесь,* а я вот скажу барину-то! — захрипел Захар» (Гончаров, Обломов); «— *Пой, пой* эту песню! — возразил Тарантьев. — Чай, пропил, да и спрашиваешь...» (там же); «— *Ругайтесь, мол, ругайтесь,* Гаврило Андреевич», — подумал он опять про себя (Тургенев, Муму); «Кузьма Федорыч как бы говорил: *„болтай, болтай,* я знаю, что дело совсем не в этом!“» (Малышкин, Люди из захолустья).

¹ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, 5-е изд., М., 1935, стр. 188—189.

В иронически произнесенной фразе императивы несовершенного вида могут служить для выражения иронического совета, например: «Вдруг конек пад ним заржал И, толкнув его копытом, Крикнул голосом сердитым: „Спи, любезный, до звезды! *Высыпай* себе беды, Не меня, ведь, вдернут на кон!» (Ершов, Конек-горбунок); «Я тебя не упрекаю, а только прошу отзываться приличнее о человеке, который мне близок и который так много сделал для меня...— Много!— злобно возразил Тарантьев.— Вот стой, он еще больше сделает — ты *слушай* его!» (Гончаров, Обломов).

В форме иронического совета может быть высказано мнение говорящего о причине того, о чем идет речь. Интересна конструкция типа: *А ты делай больше!* в значении «вот потому-то, что ты делаешь это, так и происходит». Например, «Совсем охрип...— *А ты кричи больше!*». Ср. «*А ты зевай больше!*» и т. п. Ср.: «[Татьяна, подходя к столу] И за что на нас рассердился отец? [Акулина Ивановна, в дверях] *А ты больше бегай* от него... умная!» (Горький, Меценат); «— *А ты его больше слушай*, дурия голова! Им только и дела — выдумывать что-нибудь, фокусы разные из людей выкомаривать» (Малышкин, Люди из захолустья).

5

Угроза по адресу собеседника может быть выражена формой 2-го лица будущего времени в сочетании со словами *мне, у меня*: *Ты мне поплачешь! Ты у меня поплачешь!* В зависимости от интонации эти фразы могут приобретать почти противоположный смысл. *Ты у меня поплачешь!* может передавать не только «обещание» заставить собеседника «поплакать», но и резкое предостережение, чтобы он «не смел плакать». Значение угрозы не зависит уже в таком случае от лексического содержания глагола: «— Погоди, попадешься, я те уши-то направлю, как раз: *будешь у меня скалить зубы!*» (Гончаров, Обломов); «— Сережка, марш домой, сейчас же! Я тебе покажу, мерзавцу. *Ты у меня повоюешь!*— И она направилась к сыну с намерением остановить его» (Н. Островский, Как закалялась сталь); «[Хорошилин] Ну, *ты у меня похмишишь!*» (Тренев, Навстречу).

Угроза может быть передана и формой 1-го лица будущего времени от глаголов совершенного вида, причем говорящий называет в этой форме не действие, которое он совершит, а действие, которое он запрещает совершать (обычно 2-му лицу). Глагол в таком случае следует после сочетания *я тебе*¹: «[Становой, грозя] *Я тебе поговорю!*» (Горький, Враги); «— Васька! Засеку! *Я тебе подслухаю!*» (Островский, Рожденные бурей); «— Ты куда? Стой, говорю тебе! *Я тебе побегу, дся твоя мать!* (там же); «[Митя] Маленько разбираюсь... [Андрей] *Я тебе разберусь...* Рано, Митенька, к девушкам присматриваться» (Ромашов, Знатная фамилия). «[Дарья Васильевна] А ты не ори. *Я тебе, брат, поору.* И не посмотрю, что ты профессор» (Ромашов, Великая сила).

Вместо *тебе* в этой конструкции может быть *те*². Многочисленные примеры встречаются в произведениях Горького: «— Эх, я бы вот, поцеловал...— Пьяный жепский голос визжит:— *Я те поцелую!*» («Дело Артамоновых»); «— Шабаш!— крикнул кто-то, но ему свирепо ответили:— *Я те пошабашу!*» («Мои университеты») и т. п.

Таким образом, и значение личных форм подвергается экспрессивному смещению. По сути дела, рациональные соотношения между значе-

¹ Ср. А. Н. Гвоздев, Очерки по стилистике русского языка, М., 1952, стр. 193.

² Неясно, почему Н. Ю. Шведова («Некоторые виды значений сказуемого в современном русском языке», сб. «Исследования по грамматике русского литературного языка», М., 1955, стр. 334), упоминая о данной конструкции, указывает только «частицу *те*». Да и, видимо, не только слово *тебе*, но и *те* в этой конструкции не полностью утрачивает местоименный характер, так как определяет направленность высказывания (ср. *Я ему поору!*).

нием 2-го и 1-го лица полностью разрушаются в таких, например, фразах, как: *Ты у меня поругаешься!* и *Я тебе поругаюсь!* Ср.: «Рассердился дед, повернулся к Мишке:— Я тебе, окаанный, прости, господи!.. *Постучи у меня, я те стукну!*» (Шолохов, Нахаленок).

6

Из глагольных личных форм формы 2-го лица наиболее богаты возможностями общего экспрессивного «передвижения» значения. Стилистические очертания этих форм наиболее подвижны. При обозначении невозможности того или иного действия форма настоящего — будущего от глаголов совершенного вида может стать экспрессивным «синонимом» инфинитива того же вида (*не разобрать* — *не разберешь*). При этом отнесенность ко 2-му лицу, т. е. собеседнику, потенциально распространяется на всякого, каждого, другими словами — форма 2-го лица получает обобщенное значение. В фамильярной речи форма 2-го лица с тем же значением невозможности действия нередко употребляется без отрицания: «— А убили бы ее?— Ну, да, — *скоро убьешь эдакую*, — сказал извозчик так, как будто он неоднократно пробовал убивать пьяных девиц» (Горький, В людях).

Подобное экспрессивное отрицание возможности обычно поддерживается «частицами» *как же, как бы не так, черта с два, тут, там*; характерны здесь слова *у вас, с вами..., такого, с такими* и т. д.: «[Лиза] Этого не говорят девушкам. А должны были сами дожидаться, чтобы вас полюбили. [Разлюбяев] *Да, дождешься от вас, как же!*» (Островский, Бедность не порок); «[Хозяйка] спи, спи, милый. Пять часов только. [Васин] *Успнешь тут, как же!*» (Арбузов, Таия); «— Нечего мне думать! ты хитрить хочешь. — *Нахитришь у вас!*» (Писемский, Богатый жених); «[Савельев] Как, вы тоже не спите? [Воронцов] *Заснешь с вами!*» (Симонов, Так и будет); «— ...Государство бьется, чего-то хорошее хочет для всех сделать. *Сделаешь с такими! Ха!*» (Малышкин, Люди из захолустья); «— И не поймали его? — *Поймаешь таких...* Он словно сквозь землю провалился» (Седых, Даурия). Ср. такое же употребление формы будущего времени с отрицанием *не* — уже для выражения невозможности не совершить данное действие (явно также обобщенно-личное значение формы): «[Кабанова] Не очень-то нынче старших уважают [Варвара, про себя] *Не уважишь тебя, как же!*» (Островский, Гроза)¹.

7

При определении значения глагольных форм обычно указывается на способность форм прошедшего времени (совершенного вида) в отдельных случаях быть отнесенными к сфере настоящего или будущего времени. Эта способность ограничена лексически. Едва ли можно насчитать больше нескольких десятков глаголов, для которых было бы действительно употребительным такое перенесение временных форм. Но при выражении экспрессивно-иронического отрицания подобное перенесение форм прошедшего времени в сферу будущего становится не только возможным, но для определенных случаев и характерным². Освобождаясь от лексических ограничений, такое употребление становится обусловленным синтаксиче-

¹ Эти случаи надо отличать от тех, когда форма 2-го лица в том же экспрессивно-ироническом плане выражает отрицание говорящим того, что собеседник (конкретный) совершит (будет совершать) данное действие. Само действие тогда мыслится более конкретно. Значения невозможности совершения действия («нельзя сделать») нет; ср.: «[Тимофей] Так ведь я хочу маршрут вести! [Андрей] *Как же, поведешь!* [Тимофей] А почему ж это я не поведу?» (Ромашов, Знатная фамилия). Форма 2-го лица соотносительна здесь с другими личными формами.

² Ср. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 544—545.

ски. Так, в экспрессивно-отрицательных конструкциях с «опорной» частью *Так и...* (*Так...и...*) форма прошедшего времени (совершенного вида) любого глагола свободно (и, так сказать, синонимически) заменяет соответствующие формы будущего времени. Ср.:

1. Предложения с формой *будущего* времени: «— Да! как же! отвечает Ваня.— *Так я и буду бегать* из угла в угол» (Глеб Успенский, Невидимка Авдотья); «— *Да, так я вам и поверю!*— сказал Иван Дмитрич, приподнимаясь и глядя на доктора насмешливо и с тревогой; глаза у него были красны» (Чехов, Палата № 6); «Бабушка, посмеиваясь, говорила мне: *Так ему, старому дураку, Никола и станет дома продавать,*— нет у него, Николы-бабушки, никакого дела лучше-то!» (Горький, Детство).

2. Предложения с формой *прошедшего* времени: «— Кто это?— шепнул Иван Андреевич.— Ну, *так я вам и сказал* сейчас, кто я такой!— прошептал странный незнакомец.— Лежите и молчите, коли попались вприсак» (Достоевский, Чужая жена и муж под кроватью); «— Говорят, очень уж шалят по ночам.— Нас пятеро.— *Так вас и побоялись,* пятерых-то,— вставил крестьянин» (Лесков, Разбойник); «— *Так я тебе, толстомордому, и дался...* Ишь ты» (Глеб Успенский, Крестьянин и крестьянский труд); «— Пойдем ко мне разговляться.— Так я к тебе, пузатому черту, и пошел!— Пойдем, говорю!» (Л. Андреев, Баргамот и Гараська); «— И докуда же это «пока» будет?— Пока Кирюшку не шлепну.— *Так он тебе лоб и подставил!*— Когда-нибудь подставит,— уверенно ответил Михаил» (Шолохов, Тихий Дон).

8

Выражение иронического отрицания может связываться также и с нарушением модальных соотношений, обычных в иных условиях для данных форм. Так, конструкции с *хоть бы* (или *хотя бы*), типа *Хоть бы кто-нибудь помог!*, т. е. имеющие обычно ограничительно-желательное значение, могут быть легко переведены в иную модальную плоскость. Для этого достаточно включить их в состав сложного предложения или поставить перед *хоть бы* соединительный союз. Ср.: *И хоть бы кто-нибудь помог!* Конструкция утрачивает желательное значение и начинает служить просто для констатации отсутствия обозначенного действия, т. е. форма сослагательного (условного) наклонения переводится в сферу отношений изъявительного наклонения. Ср.: «Собакевич слушал, все по-прежнему нагнувши голову, и *хоть бы что-нибудь похужее на выражение* показалось в лице его» (Гоголь, Мертвые души); «— ... Один такой же самоубийца именно жалуется в таком же своем дневнике, *что в такой важный час хоть бы одна «высшая мысль» посетила его,* а, напротив, все такие мелкие и пустые» (Достоевский, Подросток) и т. п.; «— ... Я ни одной ночи после того не спал... писал... писал... Спрашивал, что же вы со мной делаете, *так хоть бы слово написали*» (Писемский, Старческий грех) и т. п.

В подобных случаях значение конструкции становится синтаксически обусловленным. Оно не вытекает прямо и непосредственно из значения глагольной формы, а как бы строится на основе определенной и устойчивой «модели», представляя собой синонимическую замену отрицательной конструкции с глагольной формой прошедшего времени изъявительного наклонения; ср. *И никто (даже) не помог* и т. п. Закрепление за конструкцией в особых синтаксических условиях особого значения связывается с более устойчивым порядком слов. Так, экспрессивно-смысловые «варианты» желательной конструкции, вроде: *Помог бы хоть кто-нибудь! Хоть кто-нибудь помог бы!* и т. д. не переносятся уже обычно в эти условия.

Грамматическим субъектом таких предложений могут быть не только обобщенно-неопределенные *кто-нибудь*, *что-нибудь* и т. п. Ср.: «Один только Иосиф в подобных случаях *хоть бы бровью поводит*» (Писемский, Старческий грех); «[Лукинишна]... Мать се за волосья, а она *хоть бы тебе*

пискнула— ни словечка» (Чехов, Дура, или Капитан в отставке). Сама глагольная форма в различных ситуациях вообще может быть опущена: «На улице опять жара стояла невыносимая; *хоть бы капля дождя во все эти дни*» (Достоевский, Преступление и наказание); «Спасаться, защищаться... где уж тут! Их шестеро; а у меня *хоть бы палка!*» (Тургенев, Стучит!); «— ...Сидим по целым дням вместе, и *хоть бы одно слово!*» (Чехов, Дочь Альбиона). Ср. также фразеологизированные и *хоть бы (тебе) что*, и *хоть бы (тебе) кто*: «— ...А как тут не раздражаться? С утра приказал почистить снег у крыльца, и *хоть бы тебе кто!* Ни одна пельма ни с места...» (Чехов, Оба лучше); «— ...Наконец, прощения просил, на коленках... ползал, и *хоть бы тебе что!*» (Чехов, Ниночка) и т. д.

9

В ряде случаев разнообразные сочетания слов фразеологизируются в своем экспрессивно-ироническом значении. В отличие от рассмотренных случаев, где устойчивыми являлись только самая модель конструкции («фразеосхема») и ее опорные слова, здесь фразеологическая устойчивость сочетания не допускает его свободного лексического наполнения. Это выражения типа: *Этого еще не хватало (не доставало)! А ты думал! Эко важное дело! Эко важная птица! Велика беда! Велика важность! Эка беда (важность)! и под.* Ср. еще ярко-экспрессивные *Будьте покойны!* (при угрозе и т. п.), *Не беспокойтесь! Извольте радоваться! Будьте уверены! Будь здоров!* и т. д. Ср., например: «[Лопухин] Ничего у вас не выйдет. И не заплатите вы процентов, *будьте покойны*» (Чехов, Вишневый сад); «— ... Я думал, что сапосезд — это тоже боевое дело. А тут ни за что, ни про что, *изволь радоваться...*» (Панова, Спутники) и т. п.

*

В описанных случаях экспрессивно-ироническое переосмысление утвердительных по лексическому составу конструкций (из которых были рассмотрены только те, которые представлялись наиболее характерными в том или ином отношении) связано с особым смещением грамматических значений форм, а более или менее устойчивой моделью соответствующих конструкций, а также иногда и с возникновением в определенных условиях особого значения соответствующих опорных слов (иногда только в определенных формах). Естественно, что ироническое отрицание может скрываться вообще за всяким, по сути дела, предложением¹. Рассмотрение подобных случаев не имеет отношения к грамматике общего языка, за исключением, правда, изучения интонации предложения в широком плане. Такое изучение могло бы быть плодотворным на основе разносторонних экспериментальных данных. Предметом отдельной работы является и рассмотрение структуры таких предложений, выражающих экспрессивно-ироническую оценку, которые в отличие от большинства рассмотренных не связаны с глагольным предикатом.

¹ Нередко отрицательный смысл подкрепляется специально такими словами, как: *как бы не так, как же, еще бы, черта с два, держи карман, жди, ничего сказать, ничего себе и под.* Ироническое отрицание оказывается в ряде случаев после *а то...*, например: «— Его, товар-то, сгружать уж почали, поди, по себе давно рассовали. — *А то нас будут ждать!*» (Малышкин, Люди из захолустья); «По кухарка так залихватно хохотала, что я тоже улыбнулся невольно и взглянул в ее зеркало: лицо у меня было густо вымазано сажей. — Это — Саша? — *А то я!* — смежливо кричала кухарка» (Горький, В людях); «— Он, должно быть, уж стар, бариц? — спросил Месяц. — Ну, *а то молодой*, — подумав, ответил Филат» (Сергеев-Ценский, Лерик), и др.